

Борьба с организованными формами преступности в русском централизованном государстве

Белоцерковский С.Д.,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор Академии Генеральной прокуратуры РФ
E-mail: ipkrk@mail.ru

Аннотация. В статье изложены результаты проведённого автором исследования отечественного средневекового законодательства в аспекте борьбы с организованной преступностью. Показано осознание отечественным средневековым законодателем специфики организованной преступности и необходимости создания для борьбы с ней специализированного органа и специализированного законодательства. Сделан анализ его динамики и основных положений.

Ключевые слова: борьба с преступностью, организованная преступность, Разбойный приказ, губные избы, «ведомые лихие люди», губные грамоты, губные наказы, уставные книги Разбойного приказа, Новоуказные статьи.

Отечественными и зарубежными криминологами к настоящему времени проведены фундаментальные исследования организованной преступности в России и за рубежом, результаты которых широко опубликованы. При этом остается дискуссионным важный для понимания этого явления вопрос о природе организованной преступности, формирование которой фиксировалось в разные исторические периоды в государствах, имеющих существенные географические и культурные отличия, с различными экономическими и политическими системами. Временем ее появления разные авторы полагают: XV–XVI вв.; 20-е годы прошлого века; начало 60-х годов прошлого века, как порождение командно-административной системы с ее социальными, экономическими и идеологическими упущениями; ее становление в начале 80-х годов и окончательное формирование в 1988–1989 гг. прошлого века; весь период существования государства, как его неотъемлемую принадлежность¹.

Вместе с тем Организация Объединенных Наций еще в конце прошлого века одним из признаков современной организованной преступности назвала «деятельность объединений преступных лиц или группировок, объединившихся на экономической основе, которые очень напоминают банды периода феодализма, существовавшие в средневековой Европе»².

Киевская Русь (X в. — начало XII в.), положившая начало российской государственности, под влиянием возобладовавших дезинтеграционных процессов, распалась на множество государ-

ственных образований, число которых к началу XIII в. достигло пятидесяти. В этих условиях традиционными формами социального контроля являлись патриархальные формы, осуществляемые общиной или большой патриархальной семьей, на которой также лежала обязанность розыска и выдачи преступников³.

Первый общерусский свод законов — Русская Правда, наряду с которым имело место также прямое действие Византийских кодексов, в период, предшествовавший образованию русского централизованного государства, определял перечень наиболее общественно опасных преступлений, к которым относились разбой, кража коня и поджог дома или гумна и за совершение которых применялась высшая мера наказания — поток и разграбление. При этом не предусматривалось более строгого наказания за совместное совершение преступлений несколькими лицами, не содержалось норм об ответственности за повторное совершение преступлений и антикоррупционных положений.

Образование русского централизованного государства (XV в. — начало XVI в.) сопровождалось неизбежным ослаблением механизмов патриархальных форм социального контроля с последующим исчезновением института коллективной ответственности общин в условиях перехода от дворцово-вотчинной к новой, приказной, системе управления государством, который начался в конце XV в. и закончился во второй половине XVI в. Начальный этап этого периода был отмечен созданием нового общерусского свода законов — Судебника 1497 г. — первого кодекса русского централизованного государства.

Исследователи отмечают, что в нем по-новому трактовалось само понятие преступления. Если по Русской Правде считались преступными только такие деяния, которые наносили

¹ Одним из первых исчерпывающе обобщил и проанализировал существующие точки зрения относительно времени появления организованной преступности У.А. Хасиев (Хасиев У.А. Организованная преступность в Российской Федерации: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 18–19).

² Цит. по: Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М., 1996. С. 10.

³ Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О.И. Чистякова. Т. 1. М., 1984. С. 59.

непосредственный ущерб конкретному человеку — его личности или имуществу, то теперь были криминализованы также деяния, которые так или иначе угрожали государству или господствующему классу в целом. В их число были включены деяния, которые впервые стали именоваться «лихими делами», а совершившие их — «ведомыми лихими людьми», которые ставились в один ряд с государственными преступниками — заговорщиками, святотатцами, разглашателями секретных сведений, поджигателями города с целью сдачи его врагу («Статья 9. А государскому убийце и коромольнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигальнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертноу казнью»⁴). Для таких лиц также впервые в общерусском законодательстве устанавливалась смертная казнь⁵.

При этом характерное для Русской Правды право-привилегия, т.е. зависимость наказания от социального статуса потерпевшего и обвиняемого, впервые заменяется всеобщей ответственностью за совершение «лихих дел».

Кроме того, Судебник 1497 г. содержал сразу целый ряд антикоррупционных положений — без малого до 10 норм включали в себя такие положения. При этом следует учитывать, что понятие «взятки» появится в отечественном законодательстве еще не скоро, и нормы Судебника запрещали «посул» — распространенное для того периода времени подношение должностным лицам административно-судебных органов. Причем запрещалось не только брать посул, но и давать его⁶.

Судебник 1497 г. явился основным источником для Судебника 1550 г., который воспринял его положения об ответственности «ведомых лихих людей» и в который было включено новое положение о том, что теперь борьба с ними будет осуществляться вновь созданным специализированным органом — губными избами, возглавляемыми губными старостами, и на основании нового специализированного законодательства — губных грамот и губных наказов.

В ст. 65 четко определялась компетенция губных старост: «... А приведут кого в розбое или на кого в суде доведут, что он ведомой розбойник, и наместником тех отдавати губным старостам. А старостам губным, оприч ведомых розбойников не вступаться ни в что. А татей им судити по царевым и великого князя по губным грамотам, как в них написано»⁷.

В Судебнике 1550 г. запреты брать посулы стали сопровождаться указанием на то, за совершение каких именно действий, и санкциями за их нарушение.

Указанные изменения законодательства были обусловлены произошедшим значительным ростом преступности. Иллюстрируя впечатляющую масштабность преступной деятельности «лихих людей», исследователи отмечают ее взаимосвязь с теми явлениями социально-экономического и политического характера, которыми сопровождался процесс укрепления русского централизованного государства — роспуском холопов — военных слуг из конфискованных у бояр имений, массовым перераспределением земельных фондов, обострившейся борьбой между различными слоями господствующего класса и т.д.⁸

Кроме того, для современников тех событий именно ослабление монархической власти после смерти Василия III (1533 г.) выглядело главной причиной государственных неурядиц, анархии и роста преступности. Завоевание национальной независимости создало возможности активизации товарно-денежных отношений и внутреннего рынка. Возросли возможности обогащения, в обществе почувствовали «вкус к богатству». Ширилось стремление овладеть собственностью любыми путями. Росли шайки разбойников и грабителей. Нарастание борьбы вокруг проблем собственности прослеживается и в иностранных, и в отечественных источниках⁹.

При этом было бы ошибочно полагать, что в преступную деятельность включались исключительно маргинальные элементы либо представители низших сословий. Напротив, исследователи обращают внимание на то обстоятельство, что она носила всеобщий характер. Организованными преступными формированиями часто руководили крупные феодалы, а в их состав входили не только представители крестьян, холопов и разного рода «гулящих людей», но и представители служилых людей «по отечеству»: дети боярские, не только мелкие, но и знатные дворяне, помещики. Разбоем промышляли и смешанные отряды помещиков и крестьян, а также отряды людей, живущих в разных уездах¹⁰.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что историки, описывая на основании архивных документов деятельность преступных формирований того времени, употребляют применительно к ним термин «отряды», поскольку численность этих формирований и их деятельность впечатляют своей внушительностью и организованностью¹¹.

⁴ Памятники русского права. Вып. 3 / под ред. проф. Л.В. Черепнина. М., 1955. С. 347, 359.

⁵ Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О.И. Чистякова. Т. 2. М., 1985. С. 27, 55, 68.

⁶ Указ. соч. С. 54–64.

⁷ Памятники русского права. Вып. 4 / под ред. проф. Л.В. Черепнина. М., 1956. С. 248.

⁸ Там же. С. 21.

⁹ Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII веков. М., 1995. С. 61–62.

¹⁰ Там же. С. 64.

¹¹ См., например: Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVI веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 219.

Происходившие в этот период времени изменения преступности, выражавшиеся, в том числе в резком увеличении числа совершаемых «лихих дел», были столь значительными, что потребовали проведения крупномасштабной реформы, в ходе которой были созданы губные органы, включавшие в себя образованный в 20-е годы XVI в. Разбойный приказ и сформированные на местах в 40-е годы XVI в., подчинявшиеся ему губные избы, в компетенцию которых входила борьба с «лихими делами».

Правовую базу деятельности губных органов образовывал новый вид законодательных актов — губные грамоты и губные указы, которые составлялись с 30-х годов XVI в. до конца XVII в. и содержание которых было тесно связано с Судебниками 1497 и 1550 гг.

Структура вновь созданной административно-судебной вертикали, в которую входили Разбойный приказ в г. Москве и губные избы на местах, была, таким образом, строго централизованной — все губные избы независимо от их географического положения подчинялись только Разбойному приказу. В отличие, например, от воеводских изб, которые подчинялись разным приказам в зависимости от своего географического положения.

Для расследования разбоев, которые повлекли широкий общественный резонанс, Разбойный приказ направлял на места особых сыщиков по разбойным делам, в подчинение к которым поступали местные губные старосты. Исследователи по этому поводу отмечают, что «... еще в первых губных грамотах упоминались “обыщики”, посылаемые великим князем на места для сыска “лихих людей разбойников”»¹².

Губное законодательство постоянно совершенствовалось, а губные грамоты и губные указы издавались на протяжении достаточно продолжительного времени, поэтому более поздние из них дополнялись новыми положениями. При этом вводные части губных грамот и наказов были во многом схожими и указывали причины введения новой системы борьбы с «ведомыми лихими людьми»¹³.

Так, в ст. 2 губной Белозерской грамоты причинами установления новых порядков на местах были названы: большое число разбоев, убийств и поджогов («у вас в тех ваших волостях многие села и деревни разбойники розбивают и животы ваши грабят, и села и деревни жгут, и на дорогах многих людей грабят и розбивают, и убивают многих людей до смерти»), массовое укрывательство населением разбойников и краденого («а иные многие люди у вас в волостях разбойников

у себя держат, а к иным людям розбойники с розбоем приезжают и розбойную рухлядь к ним привозят»), неэффективность ранее применявшихся мер («от наших деи обыщиков, чинятся вам великие убытки») и злоупотребления должностных лиц, в обязанности которых входила поимка преступников («а вы деи с нашими обыщики лихих людей розбойников не имаете для того, что вам волокита велика»)¹⁴.

Статья 3 регламентировала порядок образования губных изб как выборного органа, их штатную численность и компетенцию, а также предусматривала возможность назначения и приведения в исполнение единственного вида наказания: «быв кнутьем да казнили смертью». В этой же норме впервые получает законодательное закрепление независимость губных органов: «... а вам от меня опалы в том нет, и от наших наместников, и от волостелей в том продажи вам нету», которая сопровождалась установлением в ст. 7 запрета злоупотреблять служебным положением: «а по недружбе, в земском деле, или в брани в какой-нибудь, меж себя не мстилися ни хто никому, по нашему крестному целовенью, и неповинно б естя не имали и не казнили никакова человека, того бы есте меж себя обыскивали накрепко по нашему крестному целованью, вправду без хитрости».

Обращает на себя внимание положение ст. 9, которое содержало четкое требование к губным избам отчитываться перед Разбойным приказом о количестве конфискованного у «ведомых лихих людей» имущества и возмещении ущерба потерпевшим: «А сколько у которого розбойника животов возьмете и роздадите исцем, и Вы б то себе все написали на списки. А что будет у исцовых исков останется розбойничих животов, и вы б то все, переписав на список, да клали, где будет пригоже; да о том бы себя отписывали на Москву, к нашим боярам, которым розбойные дела приказаны».

Антикоррупционные положения содержатся сразу в двух нормах губной Белозерской грамоты, состоящей всего из 10 статей¹⁵.

Медынский губной наказ 1555 г., вводная часть которого повторяла содержание ст. 1 и 2 губной Белозерской грамоты о причинах введения новой системы борьбы с «ведомыми лихими людьми», в ст. 1 определял новый порядок формирования губных учреждений — назначение (утверждение) выбранных губных старост царской властью, что затем стало традиционным для более поздних губных грамот и наказов и повышало статус этой должности. Ранее губные старосты выбирались, и о результатах выборов просто сообщалось в Разбойный приказ.

¹² Глазьев В.Н. Указ соч. С. 70.

¹³ Древнейшими из дошедших до нас губных грамот являются Белозерская (1539), а также Медынский губной наказ (1555).

¹⁴ Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О.И. Чистякова. Т. 2. М., 1985. С. 213–216.

¹⁵ Там же. С. 213–218.

В ст. 12–14 уже традиционно законодательно закреплялась независимость губных органов: «а вам от царя и великого князя опалы нет, и от наместников наших и от волостелей и от их тиунов продажи нет», сопровождавшаяся запретом злоупотреблять своим служебным положением.

Антикоррупционные положения, по сравнению с губной Белозерской грамотой, усиливались установлением к губным старостам и целовальникам требования следить друг за другом, чтобы никто подношений не брал и доносить о таких фактах: «а меж себя старостам и целовальником друг над другом того смотри, чтоб посулов и поминков никто ни у кого однолично не имал. А которой староста и целовальник учнет посулы имать в розбойных и в татиных делах, — и им на него сказывати царю и великому князю или его боярам, которым приказаны розбойные дела»¹⁶.

Обращает на себя внимание ст. 5, в которой впервые наиболее четко формулировалось положение о том, что предметом доказывания преступной деятельности «ведомых лихих людей» являлись не конкретные ее эпизоды, а принадлежность участвующих в ней лиц к категории «лихих».

Статья 14 четко обозначала компетенцию губных изб как специализированного органа по борьбе с «лихими делами»: «А опричь розбойных и татиных дел, старостам и целовальником в ыные дела однолично не вступатись», и предоставляла губным избам полномочия выносить и приводить в исполнение приговоры, в том числе и смертные, без согласования с какой-либо вышестоящей инстанцией: «А списков в розбойных и в татиных делах старостам и целовальником на Москву к бояром к докладу не посылати, а вершити им розбойные и татиные дела по сему наказному списку». Такие приговоры не подлежали обжалованию.

Исследователи по этому поводу справедливо отмечают, что «если до губной реформы право вынесения и реализации смертных приговоров принадлежало центральной власти, ... то в ходе реформ право вынесения и реализации смертных приговоров получили выборные местные губные органы»¹⁷.

Вместе с тем, как и в более ранних губных грамотах и наказах, в соответствии со ст. 5, Разбойный приказ требовал отчета о количестве конфискованного имущества и возмещении ущерба потерпевшим: «... а что останетца тех животов у исцевых исков, — и старостам о тех животех отписати на Москву к боярам в Разбойную избу»¹⁸.

Важной составной частью системы правового регулирования борьбы с «лихими делами» «ведомых лихих людей» являлись уставные книги Разбойного приказа редакций 1555–1556 гг., 1616–1617 гг. и 1635–1648 гг., которые включали в себя наиболее важные положения губного законодательства, в том числе уже содержащиеся в губных грамотах и наказах. Принципиально иным здесь являлось то, что после включения в уставные книги действие этих положений, нередко оформленных в виде царских указов, распространялось не на отдельные уезды, а на всю территорию государства. Кроме того, здесь также могли содержаться обобщения и рекомендации следственной и судебной практики.

Так, Уставная книга Разбойного приказа редакции 1555–1556 гг. включала в себя ряд наиболее значимых положений принятого к этому времени Медынского губного наказа и одновременно в ст. 2 содержала новое предписание губным органам «применять смертную казнь к «ведомым лихим людям», виновным в совершении преступлений, за которые предусматривается максимальное наказание в виде пожизненного лишения свободы: «А на которого человека говорит язык, и тот человек пытан, на себя не скажет, а в обыску его назовут лихим человеком, и того человека казнити же, потому что они, пытаны оттерпливаютца, в розбоех на себя не говорят, а посадить их в тюрьму до смерти; и они ис тюрьмы утекают и розбойники их выбивают, и те розбойники опять розбивают и кровь от них крестьянская льетца»¹⁹.

В ст. 3 закреплялось традиционное положение, в соответствии с которым предметом доказывания по данной категории дел являлись не эпизоды преступной деятельности, а принадлежность виновных в их совершении лиц к категории «лихих людей», поэтому при обвинении в разбоях решающим доказательством являлась дурная репутация обвиняемого: «а на которых людех истцы ищут розбоев, и те люди скажут, что они не розбивали и языки на них в розбоех не говорят, а в обыску про них скажут, что они лихие люди, а в лихе про них доводов не скажут, а, пытаны, те люди на себя в розбоех не скажут, — и тем людем сидети в тюрьме до смерти по обыском. А на которых людей скажут в обыску, что они лихие люди и в лихе на них доведут, а, пытаны, на себя не скажут, — и тех людей казнити же»²⁰.

В ст. 6 впервые появляется положение о соучастии в форме пособничества: «... у кого розбойника и пожитое у него во дворе посторечем вымут, — и того розбойника пытати: и сколь давно к нему приезжает, и розбойную рухледь к

¹⁶ Там же. С. 218–227.

¹⁷ Рогов В.А. Указ. соч. С. 65.

¹⁸ Российское законодательство X–XX веков. С. 218–227.

¹⁹ Памятники русского права. Вып. 4 / под ред. проф. Л.В. Черепнина. М., 1956. С. 356.

²⁰ Там же. С. 356, 384, 385.

нему привозит, и ведает ли он, что он розбивал. И скажет тот розбойник, что он к тому человеку приезжал и рухледь розбойную привозил, — и того человека у которого розбойника поймают, пытати же»²¹.

Указ о татебных делах 26 ноября 1555 г. содержал меры, направленные на устранение недостатков и нарушений закона в деятельности губных органов, которые изложены в размещенном в этом же указе докладе главы Разбойного приказа И.А. Булгакова: «По городам, и по волостям чинятца татбы великие, губные старосты про те татбы обыскивают, и они у себя в волостях лихих людей, татей не сказывают...», «а в которых городах и в волостях коней не пятнать и в книги не записывают, а губным старостам не ведомо, сколько у них в губе лошадей прибудет или убудет...», «а которые лихие люди крадут и розбивают, ино их в губе сведают, что они лихие люди, и они оттуда бежать в ыную губу да там живут, а они про них не опытывают, откуда они пришли...»²².

Анализируемая редакция Уставной книги Разбойного приказа содержала также приговоры высшей судебной инстанции — Боярской Думы по губным делам, которые должны были ориентировать губные органы на надлежащее применение положений губного законодательства.

Уставная книга Разбойного приказа редакции 1616–1636 гг.²³ обращает на себя внимание, прежде всего, получившим дальнейшее развитие в ее положениях институтом соучастия, а также четко прописанными положениями об ответственности за рецидив преступлений применительно к краже.

В ст. 33 предусматривалась ответственность за хранение похищенного имущества в том случае, если была доказана осведомленность хранителя о незаконном происхождении принятых им на хранение вещей: «а на которых людей учнут языки говорить, с пыток, в поклаже, а скажут, что у него положили за разбойное и за татинное, — и того человека поимати ... да ево ж дати на чистую поруку, з записью; а не будет поруки, и ево посадить в тюрьму, докуды по нем порука будет».

Кроме того, в ст. 31, 32 говорилось также о пристанодержательстве, которое, в свою очередь, подразделялось на содержание постоянного притона («стана») и предоставление временного убежища («приезда»): «а на которых людей языки говорят с пыток, в станех и приездах, и тех людей ... имати ... и указ им чинити также как и разбойникам», а также о содействии преступлению указаниями, подразделявшееся на «под-

вод» — способствование преступлению путем указания на место и время его совершения — и «поноровку» — охрану преступника во время совершения преступления: «а на которых людей языки говорят с пыток, в подводе и в поноровке, и тех людей ... имати же ... и указ им чинити тот же, как и разбойником и становщиком»²⁴.

Ответственность за рецидив преступлений применительно к краже была подробно регламентирована тремя нормами: «Статья 38. А приведут татя, а доведут на него одну тадбу, — и того татя бити кнутом, да ево же дати на чистую поруку. А не будет поруки, — и ево посадить в тюрьму до тех мест, докуды по нем порука будет, а животы ево отдати в ысовы иски в выть»; «Статья 39. ... а доведут на него две тадбы, — и того татя, бив кнутом, да отсечь рука, да покинуть; а животы ево отдать исцом в выть»; «Статья 40. ... а доведут на него тадбы три, или четыре, или свыше, — и того татя казнить смертною казньою, а животы ево отдать исцом в выть»²⁵.

Содержание Уставной книги Разбойного приказа редакции 1635–1648 гг.²⁶ свидетельствует о дальнейшем развитии губного законодательства, обусловленном неослабевающей преступной деятельностью «лихих людей».

Так, Указ от 26 апреля 1639 г. «О производстве пыток в праздничные дни» предписывал пытать теперь татей и разбойников и в праздничные дни, «потому что розбойники и тати и в праздники православных крестьян бьют и мучат, и огнем жгут, и до смерти побивают»²⁷.

Вместе с тем в этот период времени губные избы впервые сталкиваются с недостатком финансирования. Из текста Указа от 7 июля 1637 г. «Об оплате расходов на содержание губных учреждений», в котором обращается внимание на необходимость неукоснительного исполнения обязанностей по надлежащему содержанию губных учреждений, следует, что «ныне пишут ко государю царю ... из городов губные старосты, что в городех ... на всякой губной расход денег не дают ...», в связи с чем «государь указал ... имати ... на всех поровну по прежнему, как наперед сего имывали»²⁸.

Представляется, что это являлось первым признаком возникших противоречий между сохранявшимися традициями местного самоуправления и тенденцией централизации государства, во многих местностях выливавшихся в борьбу за власть между назначаемыми центральной властью воеводами и местными выборными губными старостами.

²⁴ Там же. С. 196, 256–257.

²⁵ Там же. С. 197.

²⁶ Там же. С. 221–239.

²⁷ Там же. С. 223–224, 226.

²⁸ Там же. С. 224–225.

²¹ Там же. С. 357, 386.

²² Там же. С. 361, 390.

²³ Памятники русского права. Вып. 5 / под ред. проф. Л.В. Черепнина. М., 1959. С. 188–220.

Поскольку уголовное преследование в этот период времени могло быть возбуждено только на основании исковой челобитной, т.е. исключительно по инициативе потерпевшего или его родственников, то «красной нитью» через все губное законодательство проходил запрет истцу под угрозой наказания заключать мировое соглашение с обвиняемыми в разбое. Теперь это положение закреплялось Указом от 9 июня 1646 г. «О запрещении мировых по разбойным делам»²⁹.

Процессуальному законодательству первой половины XVII в. уже был знаком институт выделения дела в отношении скрывшегося преступника. В Указе от 30 июля 1638 г. «О помиловании осужденных к смертной казни», отмечалось, что «государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси» по челобитной «великого господина святейшего Иосафа патриарха московского и всеа Руси» помиловал «тюремных сидельцов Ивашка мещерянина с товарищи», и предписывалось продолжать розыск сообщников осужденных и после их обнаружения провести расследование в отношении них в предусмотренном законом порядке³⁰.

Грамота от 16 июня 1591 г. «О порядке содержания тюремных сидельцев» впервые законодательно закрепила раздельное содержание «лихих людей» от других категорий осужденных: «и как к вам ся наша грамота придет, и вы б впредь в татины и в розбойные тюрьмы к татем и к розбойником в нашей пене детей боярских и в промыте всяких людей сажать не давали, чтобы тюремным сидельцом, татем и розбойником, сидети было бережно и осторожно». Это обосновывалось тем, что отдельные воеводы «велят в татины и розбойные тюрьмы к татем и к розбойником сажати детей боярских и иных всяких людей в наших пенах ... А к тюрьмам к детям боярским и к бражником приходят многие люди. А у тюрем губных целовальников мало: которыми обычаи к тюрьмам к татем и к розбойником поднесут нож или пилу, — и им того уберечь не мочно»³¹.

Тесная взаимосвязь специализированного губного законодательства и основных законодательных актов этого периода времени продолжилась и в Соборном Уложении 1649 г., в которое вошла гл. XXI «О разбойных и о татинных делех».

Статья 1 гл. XXI Соборного Уложения определяла компетенцию Разбойного приказа: «Которые разбойники розбивают, и людей побивают и тати крадут в Московском уезде и в городех, на посадах и в уездах; и такая разбойныя и убийственныя и татинныя дела ведать в Розбойном прика-

зе». А в соответствии со ст. 5 на губных старост возлагалась обязанность ведения безкомпромиссной борьбы с преступной деятельностью «лихих людей» на подведомственной им территории: «... Губным старостам приказывати накрепко, и в наказех писати им с великим подкреплением, чтобы они про татей и про разбойников сыскивали, и того смотрели, и берегли накрепко, чтобы однолично нигде татей и разбойников разбойничьих станов и приездов не было»³².

Соборное Уложение вводило новый вид клеймения — отрезание ушей. В соответствии со ст. 16 гл. XXI «а будет приведут розбойника, и его пытать; да будет они с пытки повинится, что он розбивал в первые, а убийства не учинил: и у того розбойника за первой розбой после пытки отрезать правое ухо ...». Такие лица были на особом контроле государства. В соответствии со ст. 19 гл. XXI «... будет где объявятся такие люди, у которых уши резаны, а письма у них в том, что они из тюрьмы выпущены, не будет: и таких людей имаю приводити в городех к Воеводам, приказным людям и Губным старостам; а Воеводам и приказным людям тех людей роспрашивать, и роспрося писати о указе к Государю к Москве, а до Государева указу тех людей держать в тюрьме»³³.

В Соборном Уложении получили дальнейшее развитие институты соучастия и прикосновенности³⁴.

Вершиной развития губного законодательства стали Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах 1669 г., которые явились дальнейшим развитием положений гл. XXI Соборного Уложения 1649 г.³⁵

Теперь все функции уголовного преследования за совершение «лихих дел» сосредотачивались в руках выборных губных старост. В отличие от Соборного Уложения 1649 г. воеводы и подчиненные ему лица лишались права в их отсутствие вести расследование по делам об этих преступлениях. В ст. 2 по этому поводу говорилось следующее: «А ведать в городех разбойные и татинные и убийственныя дела сыщикам и губным старостам по наказам из Разбойного приказа, а воеводам в городех таких дел ничем не ведать»³⁶.

Восстанавливался институт сыщиков, который был ликвидирован в 1627 г. Теперь их деятельность впервые получила законодательное закрепление, их роль существенно возросла, а функции значительно расширились³⁷.

³² Там же. С. 383–384.

³³ Там же. С. 386, 410.

³⁴ Там же. С. 395–397, 422–423.

³⁵ Памятники русского права. Вып. 7 / под ред. проф. Л.В. Черепнина. М., 1963. С. 396–434, 458.

³⁶ Там же. С. 396.

³⁷ Там же. С. 437.

²⁹ Памятники русского права. Вып. 5 / под ред. проф. Л.В. Черепнина. М., 1959. С. 237.

³⁰ Там же. С. 225–226.

³¹ Там же. С. 227–228.

Вместе с тем в соответствии с Новоуказными статьями в губных избах отменялась должность второго лица после губного старосты — губного целовальника: «да в городех же быть у губных дел дьячком ..., а губным целовальникам не быть», а тюрьмы предписывалось охранять стрельцам: «а сторожам быть по два человека с поруками из найму; а поруки имать по них добрые, кому б мочно в том верить, и приводить их к вере сыщиком же»³⁸.

Логика развития губного законодательства свидетельствует о том, что реорганизации и ликвидации, сопровождавшие деятельность губных органов власти, являлись результатом противоречий, продолжавших нарастать между сохранявшимися традициями местного самоуправления и все усиливающейся тенденцией централизации государства.

Наглядным подтверждением этого является также содержание Указа от 27 ноября 1679 г. «О ведении всех дел в уездах воеводами», который обращает на себя внимание не свойственной законодательным актам эмоциональностью и в соответствии с которым созданные в 1539 г. выборные губные органы подлежали ликвидации: «В городах быть одним воеводам, а сыщиком, и губным старостам, ... не быть», «... и губные избы во всех городах сломать ...». А «... губных старост ... написать в службу ... кто в какую пригодится»³⁹. Однако ликвидация губных изб в этот раз не была окончательной, и в 1684 г., в связи с ухудшением криминальной ситуации, губные старосты были восстановлены.

Окончательно губные органы были упразднены при Петре I, в период возобладания абсолютистских тенденций⁴⁰. При этом Петр I не отменял действия Соборного Уложения 1649 г. и Новоуказных статей 1669 г.⁴¹

Таким образом, в первой половине XVI в., в период образования русского централизованного государства, сопровождавшегося естественным ослаблением патриархальных форм социального контроля, объективно характеризовавшегося на первоначальном этапе слабой монархической властью и отсутствием сформировавшейся государственности, а также в результате бурного развития товарно-денежных отношений и актуализировавшихся в связи с этим отношений собственности, произошел резкий рост преступности, значительное увеличение количественных характеристик которой привело к ее качественным изменениям, выразившимся в появлении новых форм преступ-

ности, криминологическая характеристика которых позволила Организации Объединенных Наций сравнить ее с современной организованной преступностью.

В этот же период времени для борьбы с новыми формами преступности создается специализированный орган — строго централизованная административно-судебная вертикаль, в которую входили Разбойный приказ в г. Москве и подчинявшиеся ему губные избы на местах, а также новая система правового регулирования этой борьбы — специализированное законодательство (губное законодательство), состоящее из: губных грамот и губных наказов, основанных на положениях Судебников 1497 и 1550 гг. и составлявшихся с 30-х годов XVI в. до конца XVII в.; уставных книг Разбойного приказа редакций 1555–1556, 1616–1617 и 1635–1648 гг. и Новоуказных статей о татевных, разбойных и убийственных делах 1669 г.

Список литературы

1. Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVI веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.
2. Законодательство Петра I. М., 1997.
3. Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М., 1996.
4. Памятники русского права. Вып. 3 / под ред. проф. Л.В. Черепнина. М., 1955.
5. Памятники русского права. Вып. 4 / под ред. проф. Л.В. Черепнина. М., 1956.
6. Памятники русского права. Вып. 5 / под ред. проф. Л.В. Черепнина. М., 1959.
7. Памятники русского права. Вып. 7 / под ред. проф. Л.В. Черепнина. М., 1963.
8. Полное Собрание Законов Российской Империи с 1649 г. СПб., 1830. Т. 4.
9. Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII веков. М., 1995.
10. Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О.И. Чистякова. Т. 1. М., 1984.
11. Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О.И. Чистякова. Т. 2. М., 1985.
12. Хасиев У.А. Организованная преступность в Российской Федерации: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

³⁸ Там же. С. 397.

³⁹ Указ. соч. С. 365–366, 382–383.

⁴⁰ Полное Собрание Законов Российской Империи с 1649 г. СПб., 1830. Т. 4. № 1900.

⁴¹ Законодательство Петра I. М., 1997. С. 728.

The Fight Against Organized Forms of Crime in the Russian Centralized State

Belotserkovsky S.D.,
PhD in Law, Associate Professor,
Professor of the Academy of the Prosecutor General of the RF
E-mail: ipkrk@mail.ru

Abstract. *The article presents the results of the study of medieval domestic legislation in the aspect of organized crime. Shows awareness of domestic medieval legislator of the specificity of organized crime and necessary, so creating to fight it as a specialized Agency and specialized legislation. The analysis of its dynamics and of the basic provisions.*

Keywords: *fight against crime, organized crime, Assault order, labial hut, «slaves to evil people», labial letters, labial mandates, statutory books Assault of order, newly-decreed articles.*

References

1. Glaz'yev V.N. Vlast' i obshchestvo na yuge Rossii v XVI veke: protivodeystvie ugovnoy prestupnosti. Voronezh, 2001.
2. Zakonodatel'stvo Petra I. M., 1997.
3. Osnovy bor'by s organizovannoy prestupnost'yu / pod red. V.S. Ovchinskogo, V.E. Eminova, N.P. Yablokova. M., 1996.
4. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 3 / pod red. prof. L.V. Cherepnina. M., 1955.
5. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 4 / pod red. prof. L.V. Cherepnina. M., 1956.
6. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 5 / pod red. prof. L.V. Cherepnina. M., 1959.
7. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 7 / pod red. prof. L.V. Cherepnina. M., 1963.
8. Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii s 1649 g. SPb., 1830. T. 4.
9. Rogov V.A. Istoriya ugovnogo prava, terrora i repressiy v Russkom gosudarstve XV–XVII vekov. M., 1995.
10. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov / pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. O.I. Chistyakova. T. 1. M., 1984.
11. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov / pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. O.I. Chistyakova. T. 2. M., 1985.
12. Khasiev U.A. Organizovannaya prestupnost' v Rossiyskoy Federatsii: ugovno-pravovoy i kriminologicheskiy aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2006.